

Живет в Римониме (Израиль).

Белая крыса

Клетка моя пуста. Только я, четыре стены да солнце.
Поильничек сух, а я ведь жажды совсем не терплю.
В кормушке – шаром покати. Он, вообще, вернётся,
тот, кого я люблю и жду? Я-то знаю, что по рублю

нас продают и покупают на птичьем рынке.
Белых, хвостатых, умных, подвижных – ртуть...
Кто-то уносит домой в голубой шерстяной косынке,
кто-то – в лабораторию, и тут уже не обессудь,

а выживай, как можешь. И если хочешь остаться,
трескать зерно и получать по разнарядке своё молоко,
то научись быть терпеливой. Изредка – да, кусаться,

но в основанном относиться к экспериментам легко.

А главное (и это главное, несомненно) –
не допустить, чтоб развился стокгольмский синдром.
Не полюбить мучителя, этого нежного джентльмена,
приходящего Из дому, где пил он вонючий ром,

где спал он с женой, а, может, совсем с другими.
Придёт, нацепит халат, откроет журнал дежурств,
проверит, что там с номером семь (это моё, моё имя!),
прикинет: вот уж не знал, что у этой – такой ресурс.

А я, на задних сидящая, где я? За гранью риска?
Чего мне ждать от этого ласкового стервеца?
То ли – достанет из клетки и скажет: крыска,
ну вот и я, твой зверь, прибегающий на ловца.

Станет по брюшку гладить и щекотать за ухом,
И целовать во влажный и вечно холодный нос.
Или... задумается, прищурится близоруко...
из клетки – за хвост... пока не успела собраться с духом...
Хряснет об стенку... и результат запишет: «Вразброс».

Чучелко

Вот сплету себе милое чучелко,
шебутное, забавное, рыжее,
чтоб мордаха сияла улыбкой и
угольками сурьмяных глаз.
Пузик мякотький, пальцы лучики,
нос фамильный, понятно, лыжею.
Ну а вместо сердечка хлипкого
вставлю камушек. Смоук-топаз.

Это чучелко будет девочка.
Хватит делать талантливых мальчиков.
Так вот, дурами и красотками,
мы пойдём. Только знай одно:
я не бог тебе, моя Евочка,
просто больно уж было заманчиво
сотворить тебя. Многие ль сотканы
из отчаяния? Смешно,

как представлю твои чудачества
стервы ласковой и жеманницы, –
вижу лето. И волю. И весело.

Дача. Счастье. Полуденный чай.
Проживёшь мою жизнь, но начисто:
сердце-камушек не обманется.

А меня вчера чуть не подвесило.
Выручай меня, выручай.

Ханукальное-2

Я упала. Проулок узок и выщерблен тротуар,
да колёса такси от щеки моей на удивление близко.
В свете фар промелькнул залоснившихся луж муар
и гортанно орущая перепуганная туниска.

А на площади в этот миг зажигают вторую свечу,
ханукальную, чуть ни астральную по силе тепла и света.
Зажигают – а я на проезжую часть лечу,
неастрально, нелепо, позорно, мучительно полуодето.
Тормоза воняют, сумка катится в грязь,
восемнадцать глоток кричат: «ГевЕрет, акОль бесЕдер?»*,
и арабский таксист, агрессивно булькая и пузырясь,
выбирается из машины страшным русским медведем.

Я упала: колено, локоть, ладонь, живот
по асфальту – юзом. Такое вот юзанное тело.
И саднит, и гадко, и вряд ли до свадьбы всё заживёт,
и чему заживать? Что упало – то окончательно опустело.
Опустело. Брошено. Кем и зачем – пойми...
Может, боженька учит: «Смотри, какво лежачей»,
может, люди вот так беспечно играют другими людьми,
а потом на дорогу швыряют их медной звенящей сдачей.

Я упала... Вставай, родная, вставай, вставай!
Ты ж одна у меня, и другой мне не будет Тани.
Поднимайся. Не плачь. Терпи. Растолкай любопытную шваль.
Отряхни колени. И юбку одёрни. Встанем?

*«ГевЕрет, акОль бесЕдер?» - «Госпожа, всё в порядке?»

Страницы автора в Сети:

[Стихи.Ру](#)
[Поэзия.Ру](#)